

даче «ять» в деловых памятниках Москвы XVII в.

Разграничение показаний текстов, писанных писцами — профессионалами (едва ли не исключительно Ъ в ударенных положениях) и непрофессионалами (они избегают употребления Ъ), четкое разграничение безударных и ударенных позиций Ъ, фонетическое объяснение, с одной стороны, отсутствия написаний и вм. Ъ и с другой стороны, написаний Ъ вместо и позволяет автору, во-первых, связать судьбу безударного «ять» с общим состоянием безударного вокализма московского говора, во-вторых, установить качество звука «ять», которое согласуется со свидетельствами Ломоносова, Сумарокова, Барсова.

С общей характеристикой московского вокализма согласуются и выводы автора о произношении *о* из *е*.

В разделах книги, посвященных консонантизму, как и в предыдущих, большое внимание уделено проблеме отношения московского говора XVII в. к южновеликорусскому и северновеликорусскому наречиям русского языка того времени. В отношении судьбы губных спирантов, заднеязычного звонкого согласного, качества шипящих и *ц* обнаруживаются отличия московского говора от южновеликорусской области. Однако отсутствие цоканья в анализируемых московских памятниках позволяет автору уточнить указание А. А. Шахматова о северновеликорусском характере московского консонантизма. Доказательную силу приобретает согласованность всего перечня местных звуковых особенностей в известном указе Алексея Михайловича со звуковым строем московского говора XVII в.

Во второй части книги С. И. Коткова рассмотрены морфологические явления, наименее изученные в нашей литературе в применении к данному периоду. В этой части книги автор подходит к решению вопроса о том, как складывались нормы русского литературного языка на базе московского говора. «Послужив основой формирования устной литературной речи, — пишет С. И. Котков, — московский говор продолжал развиваться в качестве особого образования, хотя и наиболее тесно, в сравнении с другими русскими

говорами, взаимодействовал с этой речью. Известная самостоятельность его дальнейшей эволюции предопределилась уже тем, что основой устной литературной речи он явился не как неделимое целое, не во всем своем составе, а в своих основных элементах и свойствах, при этом отдельные элементы и свойства могли быть, в сущности, общевеликорусскими, но получившими в данном говоре, как центральном, «фокусном» образовании великорусской речевой культуры, наиболее последовательное воплощение» (с. 188).

Автор показывает отличие московского говора от южновеликорусского наречия в отношении ряда морфологических явлений, например, категории рода имен существительных. Важен для истории московского говора вывод об «избирательном характере влияния на Москву южновеликорусского наречия», и такой характер «явным образом не в ладу с теорией „наслоения“» (с. 193).

Объяснение истории морфологических явлений в книге согласовано с характеристикой звукового строя московского говора (замечания о произношении суффиксальных образований на *-ишко*, *-енко* и др.).

Ценность работы С. И. Коткова увеличивается тем, что в ней рассмотрены не избирательно «московские» языковые особенности, но содержатся также суждения об общевеликорусских языковых процессах (таких как развитие категорий одушевленности, судьбе родительного и предложного падежей на *-у* и др.).

При решении сложного вопроса о судьбе инфинитива в московском говоре автор разграничивает факты живой речи и традиции приказной письменности. Мог бы быть полезным здесь детальный анализ формуляров различных по содержанию и целевому назначению документов, анализ формул приказной, юридической речи.

Книга С. И. Коткова восполняет значительный пробел в истории русского языка. Дальнейшее изучение истории московского говора с привлечением материала по синтаксису и лексике памятников письменности — важнейшая задача историков русского языка.

В. Я. Державин

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Изд. «Наука». Л., 1974 (отв. ред. К. Д. Муратова)

Рукописный отдел Пушкинского Дома пользуется широкой известностью в нашей стране и за ее пределами. К его материалам постоянно обращаются советские и иностранные исследователи, специалисты по древне-русской литературе, русской литературе XVIII — XX вв., а также литераторам зарубежным и русско-европейским литературным связям.

Большую роль в ознакомлении научной общественности с фондами этого замечательного архива играют труды Пушкинского Дома, и в первую очередь издания самого Рукописного отдела. Достаточно назвать «Литературный архив» (6 вып., 1938—1961) и «Бюллетени Рукописного отдела», выходявшие с 1947 по 1961 г. (9 вып.). В 1971 г. начала изда-